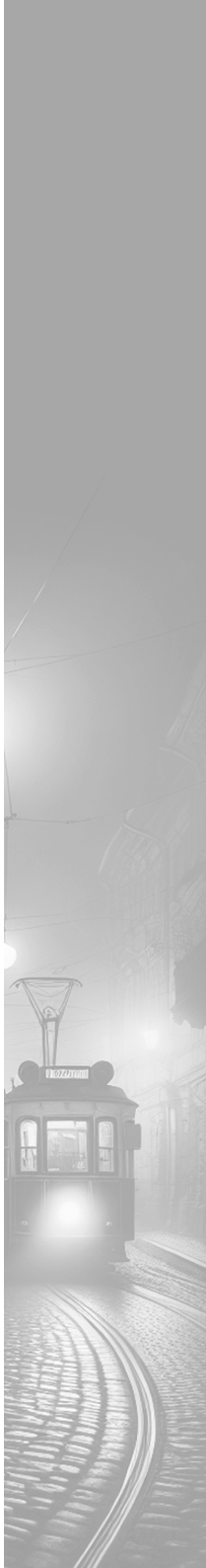

ГЛАВА 1

Поезд тронулся, перрон поплыл, потихоньку растворяясь в сером мареве — ливень шел двое суток и успокоился только под утро, оставив город в плотном сыром тумане. Полина стояла в коридоре вагона и пристально наблюдала за движением пейзажа за окном, будто опасалась, что даже сейчас что-то сможет помешать ей покинуть Москву. Поезд набрал скорость, и размеренный стук колес принес долгожданное облегчение. Невыносимое напряжение, какое-то тупое внутреннее оцепенение, не позволявшее нормально жить и работать последние полгода, начали потихоньку разжимать свои тиски. Девушка глубоко, медленно вдохнула-выдохнула и с кружащейся головой пошла в купе.

С соседями повезло — пара молодых людей уже воткнули в уши наушники и устали в телефоны, четвертая полка осталась свободной. Полина забралась на свою, верхнюю, и тоже взяла наушники. Включив в смартфоне фильм, она постаралась сосредоточиться на картинке, но минут через пятнадцать поняла: не получилось. Пришлось остановить воспроизведение и начать сначала. На третий раз удалось вникнуть в титры, но потом опять внимание рассеялось и в глаза настырно

полезли кадры ее собственного кино, которое хотелось бы вычистить из памяти как можно скорее.

Картинка того вечера, уже слегка размытая по краям, но все равно досадно четкая, снова и снова демонстрировала мизансцену отчего-то со стороны. Полине приходилось смотреть ее, как одинокому зрителю из пустого зала. Она возвращается домой после спектакля, на кухне сидит муж, приготовивший в этот раз на ужин лишь две бутылки вина, из комнаты доносится бормотание телевизора — ближе к полуночи ожидалась премьера сериала, в котором Полина сыграла второстепенную роль. Но этот звук не нарушал, не разгонял совершенно новую, вязкую тишину дома. В такой поздний час Олег почему-то сидел за пустым столом полностью одетым, разве что все еще в тапочках, не в ботинках. Он налил в бокал вина, протянул ей и монотонным будничным тоном сообщил, что уходит. На шестом году совместной жизни супруг осознал, что жизнь с актрисой не его стихия, ему требуется женщина попроще, земная и понятная. Все-таки у него литературный дар, ему нужна Маргарита, а тут ему, Мастеру, приходится прозябать в тени чужого таланта. Потому ничегошеньки у него не клеится, не движется, не растет...

Олег говорил, говорил, говорил... Монотонным голосом, без пауз, чужими словами и длинными громоздкими предложениями. Какой-то несуществующий, но отчетливо видимый резкий свет бил ему прямо в лицо, вычерчивая каждую складку, морщинку, подсвечивая реденеющие на макушке волосы. Полина смотрела на него как замороженная, не в силах произнести ни слова. Да Олегу и не нужны были ее слова, в его заранее заученном монологе посторонние реплики были лишними.

Свою Маргариту он встретил, она ждала в машине у подъезда. Вещи собрал, часть увезет сейчас, за остальными вернется на неделе.

— Даже фамилию мою не захотела брать, ведь Туракова сценически звучит хуже Елизаровой, — с горькой усмешкой подытожил Олег.

После чего поднялся и ушел в комнату за своими сумками. Хлопок закрывшейся двери вывел девушку из ступора. Она взяла со стола бокал мужа с недопитым вином, вылила в раковину и долго, тщательно отмывала прозрачное стекло. Потом забрала свой бокал, пошла в комнату и села перед телевизором. Вокруг царил разгром, — открытые шкафы, выдвинутые ящики с развороченными вещами, как после грабителей, — но Полина этого не видела, не замечала. С прямой спиной, точно натянутая струна, она сидела на краю кровати, механически подносила бокал к губам, делала крошечный глоток и неотрывно смотрела в экран.

В похожем оцепенении прошел развод, раздел какого-то нехитрого совместно нажитого имущества; сувениры, милые мелочи, подаренные на праздники, отправились на помойку. Все эти забавные памятные вещицы, доставлявшие немало приятных, радостных моментов, вмиг превратились в никчемный хлам и показались даже ядовитыми.

Незаметно наступила весна, и стоило жить дальше, но никак не получалось проснуться, очнуться наконец от тяжелого зимнего забытья. Полумертвая дрема не позволяла радоваться, получать удовольствие от жизни, от новых ролей, спектаклей, не пускала даже поехать куда-то, переключиться, развеяться. Мир вокруг казался частью сновидения с размытыми красками, приглушенными звуками. Поэтому, когда с ней связался нотариус и сообщил, что Полина получила в наследство дом на побережье Азовского моря, девушка поначалу решила, что это тоже часть сна, игра воображения, да и не было у нее никого, кто мог бы

ей хоть что-то завещать. Нотариус проявил настойчивость, ему удалось пробиться сквозь плотную дремотную пелену и убедить девушку в реальности происходящего. Сколько Полина ни старалась, все равно так и не смогла припомнить родственницу, отписавшую ей дом. У нее вообще с родственниками было негусто: своих родителей она не помнила, вырастила девочку бабушка, и умерла она, когда Полине едва исполнилось семнадцать.

Находился дом в городке Туманган, о котором девушка тоже никогда не слышала. Вряд ли стоило ожидать чего-то выдающегося от такого наследства, но в любом случае Полина восприняла его как дорогой подарок, как шанс наконец-то проснуться.

Поезд дернулся раз-другой, подходя к перрону. Полина очнулась и остановила воспроизведение впустую идущего фильма. Проводница объявила стоянку в пятнадцать минут, и пассажиры потянулись из вагона. Девушка тоже вышла подышать. На перроне она купила бутылку воды и огромный пирожок с картошкой, каких не ела приблизительно с детства. Название станции Полину не интересовало, достаточно того, что здесь все еще царил середина сырого, ветрено-капризного московского мая. Держа в одной руке пакет с бутылкой воды, другой она придерживала у горла края пестрого шерстяного кардигана, большого, уютного и мягкого, как домашний плед. Именно в этой накидке девушка ощущала себя так спокойно и защищенно, что первое время после развода ходила в нем даже дома.

Стоявший поблизости мужичок решил завести беседу, поинтересовался, куда едет такая красавица.

— В Туманган, — ответила девушка.

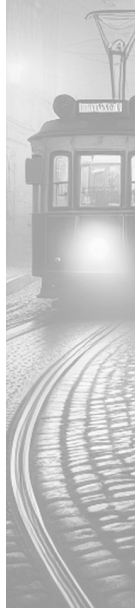
— Где это? — Он удивленно вскинул брови. — Первый раз слышу.

— Надеюсь, где-то очень и очень далеко отсюда, — с мечтательной улыбкой ответила Полина.

Стоянка закончилась, пассажиры пошли обратно в поезд. Короткая передышка в незнакомом месте, где никогда не бывала раньше и вряд ли когда-то окажешься в будущем, освежила, прояснила голову, и наконец-то получилось досмотреть фильм.

Вечером, пока в купе не выключился свет, девушка глядела в потолок и представляла скорую встречу с морем. Еще холодное, весеннее, но все равно — оно уже будет рядом, как большой утешитель, понимающий друг. Станет ворчать, перебирая камни, улыбаться солнечными бликами и умиротворять своей близостью. От станции до унаследованного дома предстоял еще неблизкий путь, на этот случай нотариус приложил к завещанию контакты некого Николая Борисовича — он присматривал за хозяйством и мог доставить до места. И только теперь Полина поняла, что забыла позвонить этому Николаю и сообщить о приезде. Поезд прибывал в половине двенадцатого, и девушка решила связаться с ним утром. В конце концов, если сразу приехать за ней не сможет, можно будет подождать на станции, наверняка там есть какое-нибудь кафе.

Свет погас, купе погрузилось в мягкую темноту, немного рассеянную светом телефонов соседей. Полина свернулась калачиком, натянула одеяло до подбородка и потихоньку стала погружаться в дрему под убаюкивающее покачивание вагона. На душе было тихо-тихо и на удивление спокойно, и — пока еще довольно робко — вкрадывалась уверенность, что эта поездка в корне изменит ее жизнь. Все теперь будет по-другому и превзойдет самые смелые ожидания.

ГЛАВА 2

Проснулась Полина в седьмом часу утра, свежей и отдохнувшей. Тихонько спустившись, чтобы не разбудить соседей, она взяла сумочку-косметичку, мобильник, решив привести себя в порядок, пока остальные пассажиры не выстроились в очередь.

Перед тем как умыться, Полина собрала волосы в большой пучок на затылке, чтобы они не попали в раковину, и достала из косметички зубную щетку с тюбиком пасты. В зеркале качалось отражение ее миловидного лица — аккуратные черты, высокие скулы, красиво прорисованные губы и миндалевидные глаза редкого сине-зеленого цвета — «русалочки», как говорила бабушка. Спросонок, без косметики, в свои двадцать пять она выглядела от силы на семнадцать. Природа одарила девушку роскошными волосами — густые, тяжелые, светлорусые, они слегка вились и обладали красивым абрикосовым оттенком. С такими яркими данными стройную, гибкую, длинноногую девушку с детства называли артисткой, потому и не возникло вопросов в выборе профессии. К счастью, вдобавок к природной красоте у Полины имелся настоящий талант — она обладала сильным, чис-

тым «хрустальным» голосом и прекрасно пела. Благодаря такому дарованию чаще всего ей доставались роли в мюзиклах.

Закончив утренний туалет, она перебросила полотенце через плечо, сунула косметичку под мышку и вышла в тамбур звонить Николаю Борисовичу. Ответил он сразу, голос у мужчины оказался приятным, располагающим. Разговор получился теплым, практически дружеским, встретить ее пообещали вовремя.

Девушка вернулась в вагон и остановилась в коридоре напротив своего купе. За окном проплывал уже совсем другой май — яркий, солнечный, густо-зеленый. Просторный южный пейзаж с открытым горизонтом, маленькие дома, бесконечное синее небо, природа — все вокруг ликovalo, праздновало новую жизнь и щедро, свободно делилось своей весенней красотой и радостью со всеми, кто нуждался, кто желал присоединиться к празднику. Ощущая, как все больше и больше отпускает тяжелое зимнее наваждение, Полина решила остаться в Тумангане до самой осени и вернуться лишь к началу театрального сезона. Даже если это будет самый скверный городишко из возможных, а наследственный дом окажется сараем без крыши, девушка решительно настроилась найти там свое лекарство и вернуться совершенно другим человеком.

На станцию поезд прибыл немного раньше расписания. Полина вышла из вагона на пустую платформу, огляделась, посмотрела на часы. Маленькая станция с крошечным старым зданием вокзала в отдалении выглядела заброшенной, без намеков на кафе, стоянку такси или автобусов. Вынув из сумочки телефон, Полина позвонила Николаю Борисовичу. К счастью, он опять быстро ответил и сквозь дорожный шум бодро заверил, что уже подъезжает.

Поставив сумку на чемодан, Полина достала из футляра солнцезащитные очки, сняла кардиган, обернула вокруг талии и завязала рукава на поясе. Солнце припекало почти по-летнему, в пору было загорать.

Минут через двадцать со стороны вокзала показался невысокий коренастый мужчина в спортивном костюме. Стремительным шагом он направился к платформе и приветственно замахал руками. Полина махнула в ответ и крикнула:

— Здравствуйте! Вы Николай Борисович?

— Он самый!

Домчавшись до перрона, мужчина сходу принялся извиняться за опоздание:

— Не рассчитал немного. Хотел пораньше, а вышло некрасиво.

— Да что вы, ничего страшного, — вежливо улыбнулась девушка. — Это моя вина, что не созвонилась с вами раньше. Спасибо, что вообще приехали.

Она перебросила ремешок сумки через плечо, чемодан взял Николай Борисович, и они пошли к машине.

По дороге Полина высматривала дома, какой-нибудь населенный пункт вблизи станции, но вокруг лишь зеленела буйная дикая растительность, насквозь пронизанная птичьими трелями. Сквозь трещины в асфальте небольшой площади перед зданием и впрямь заброшенного вокзала тоже проросла трава с мелкими желтыми цветами. Среди всего этого тихого запустения даже как-то странно и чужеродно выглядела старая белая «Нива», стоявшая в тени навеса автобусной остановки.

Положив чемодан на заднее сиденье, Николай церемонно открыл переднюю пассажирскую дверь, затем уселся за руль и весело произнес:

— Земля, прощай! В добрый путь!

Полина пристегнула ремень, приоткрыла окно и спросила, глядя на заросли колючего кустарника, постепенно вползающего длинными побегам на асфальт остановки:

— Далеко ехать?

— Минут сорок. Дороги не очень у нас шикарные, так что поедem аккуратно, не спеша.

Машина выехала с площади на трассу и взяла курс на Туманган. По обе стороны шоссе до горизонтов простирались ухоженные сады и виноградники. Над бескрайними полотнами нарядной изумрудной зелени глянцевым шатром стояло высокое, глубочайше синее небо.

— Интересное название у вашего города, — сказала Полина. — Что оно означает?

— В переводе с корейского — «туманная река», — ответил Николай Борисович.

— С корейского? — удивленно переспросила девушка. — Это корейское поселение?

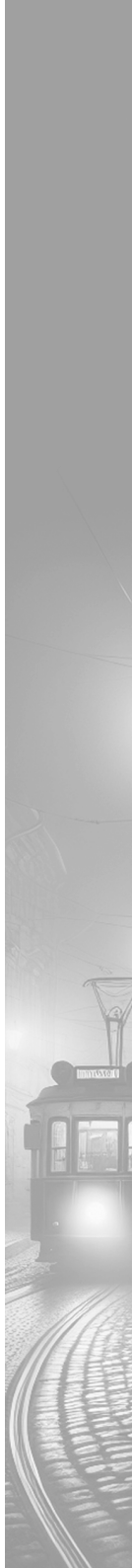
— Может, и было когда-то, я не особо интересовался, — пожал плечами мужчина. — Главное, река у нас соответствующая имеется, всегда над ней туман стоит, в любую погоду.

Полина еще немного опустила стекло, подставила лицо легкому солнечному ветерку и почувствовала, как на губах сама собой возникает улыбка.

— А чем живет ваше местечко? — поинтересовалась она.

— Есть у нас винодельня, — охотно принялся рассказывать Николай. — Уникальные сорта вина и шампанского производит, причем исключительного качества. Еще небольшой рыбозавод, недавно медузу начали перерабатывать по китайской технологии, а то этого добра у нас завались, особенно с середины лета.

— И как, вкусно?

— На любителя, — весело поморщился он. — В ресторане на центральной набережной можете попробовать, там готовят. А в остальном у нас в городе, как и везде на юге, — фрукты, овощи, виноград, соки.

— Понятно. Звучит прекрасно, не терпится все попробовать.

Автомобиль стал подниматься в гору. Дорога уходила все выше и выше, обещая в один прекрасный момент явить головокружительную панораму. Полина уже настраивалась на впечатляющее зрелище, как вдруг шоссе перегородил широкий металлический шлагбаум. На пятчке земли, заимствованном у виноградников, стоял небольшой домик под плоской крышей, с маленькими затемненными окнами. Из него вышел высокий, крепко сложенный молодой мужчина в черных очках и темно-сером комбинезоне и направился к «Ниве».

Заглянув в салон со стороны водителя, он устался на пассажирку, игнорируя Николая. Тот приветливо улыбнулся охраннику, кивнул на притихшую девушку и сказал:

— Наследницу везу, теперь владеет домом в Тумангане.

Так и не проронив ни слова, мужчина в комбинезоне отошел от машины, и Полина с изумлением увидела висящий на его спине автомат.

Шлагбаум поднялся, «Нива» поехала дальше. Лишь когда блокпост остался далеко позади, девушка решилась спросить:

— Что это было?

— Да ничего серьезного, — беспечно махнул рукой Николай Борисович, — пустые формальности. Рядом с нами когда-то находилось предприятие, работающее на оборонку, из-за этого территория имела статус режимного объекта. Предприятие давно перенесли, но го-

род все равно остался закрытым. В остальном обычный городок, пляж у нас хороший. Туристов нет, поэтому чистенько, культурно, приятно во всех отношениях.

Машина поднялась еще выше, и наконец раскрылся во всем своем великолепии ожидаемый пейзаж: в бело-снежном песчаном обрамлении чистым драгоценным стеклом сверкало, переливалось долгожданное море. Посреди залива, как спина мифического кита, возвышался круглый островок с какими-то постройками, казавшимися игрушечными с такого расстояния. На просторном побережье идеально ровной подковообразной бухты блестел на солнце стеклами домов утопающий в яркой зелени город Туманган.

